

УДК 930.85

**«УКРАИНЦЫ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАЯВИЛИ, ЧТО ОНИ РУССКИЕ»:
ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ, 1918–1921 ГГ.**

Ипполитов С. С.

*Московский государственный институт культуры
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: nivistnik@yandex.ru*

На основе неопубликованных источников изучается гуманитарная деятельность российских общественных организаций в эмиграции по оказанию помощи российским военнопленным Первой мировой войны на территории европейских государств; исследуется значение, место и роль военнопленных в европейской политике; их положение в лагерях, правовой статус. Делается вывод о заинтересованности советского и европейских правительств в оказании пропагандистского воздействия на военнопленных. Гуманитарная катастрофа, ставшая следствием неготовности европейского общества того периода повлиять на бедственное положение военнопленных, исследуется в контексте мировой политики начала 1920-х гг.

Ключевые слова. Российская эмиграция, военнопленные, Первая мировая война, Гражданская война в России, гуманитарная деятельность.

Огромное количество русских солдат, оказавшихся в плену в ходе Первой мировой войны и томившихся в лагерях военнопленных во многих странах Европы, стали на определенном этапе и для советской власти, и для русского эмигрантского сообщества, и для целого ряда европейских государств общей проблемой. Для большевистских властей эта масса абсолютно различных по своим политическим убеждениям людей представлялась значительной опасностью; их возвращение в Россию влекло за собой подпитку гражданской войны опытными профессиональными кадрами. Но и не заниматься этой проблемой вообще большевистское руководство не могло; это означало бы, что новая власть в России забыла о своих солдатах, бросив их на произвол судьбы. Это могло отрицательно сказаться на попытках большевистского правительства налаживать внешнеполитические контакты.

С другой стороны, советское руководство понимало тот огромный пропагандистский потенциал, которым обладают массы людей, изведавших тяготы войны и испытывающих острую ненависть к тем правительствам, которые их этим испытаниям и лишениям подвергли. Поэтому уже в 1918 году В.И. Ленин в своем выступлении на заседании ЦК РСДРП(б) обращал внимание, что «заклучая мир, мы можем сразу обменяться военнопленными и этим самым мы в Германию перебросим громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике; обученные ею, они смогут работать над пробуждением ее в Германии» [1, т. 26. с. 461]. Та же мысль прозвучала и в 1919 году на VIII съезде РКП(б): «Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих

целях, передвинутые в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком» [1, т. 29. с. 141].

Однако справедливо оценив потенциал иностранных военнопленных в России для его использования в пропагандистских целях за границей, большевистское руководство не могло не понимать, что аналогичным потенциалом будут обладать и русские военнопленные, возвращающиеся в Россию из западных лагерей, условия в которых были поистине ужасающими. А количество репатриантов, освобождавшихся из европейских лагерей военнопленных, было поистине огромным. Общее количество военнопленных со стороны Антанты и Четверного союза за период Первой мировой достигло, по разным оценкам, восьми миллионов человек; из них число русских военнопленных превысило 3,5 миллиона.

Все они без исключения за время своего пребывания в плену извели на себе чудовищное отношение властей пленивших их стран. Пытки, унижения, голод и холод, бессудные убийства и шовинизм сопровождали их все годы плена. Особой жестокостью отличались германские лагеря, где русские военнопленные подвергались издевательствам, во многом сравнимыми с концлагерями Второй мировой войны. Подобное обращение с военнопленными противоречило не только международным обязательствам Германии, но и её собственным нормативным актам. В этом смысле особый интерес представляют собой нормы германского права, еще до созыва Гаагской конференции воспринявшего принципы французского революционного законодательства по вопросу о военнопленных. В изданной германским генеральным штабом в 1902 году книге «Kriegsbrauch im Landkriege» («Военные обычаи в войне на суше») фиксировалась кодификация относящихся к войне норм и традиций, сводившаяся к такому изложению позиции германских властей по правовому и материальному положению военнопленных: «Государство считает военнопленных лицами, которые просто исполнили свой долг и повиновались приказаниям свыше, а потому в их пленении видит гарантию безопасности, а не наказание. Исключительной целью военного плена является воспрепятствование дальнейшему участию пленных в войне. Государство может делать все, что окажется необходимым для удержания за собой пленных, но ничего более. Военнопленные должны быть совершенно обеспечены от жестокости и унижительного обращения. Они теряют свою свободу, но не теряют прав. Другими словами, военный плен – не акт милосердия со стороны победителя – это право обезоруженного. Обращение с военнопленными должно быть такое же, как и с собственными военнослужащими, не хуже, но и не лучше» [2, с. 27].

Во Франции правовое положение военнопленных впервые получило законодательное определение в эпоху Великой французской революции. Декрет Национального Собрания 1792 г. и решение Конвента 1793 года, опиравшиеся на принципы декларации прав человека и гражданина, впервые зафиксировали основные положения о статусе военнопленного, которые впоследствии подверглись рецепции всеми международными конвенциями и национальными актами о военнопленных.

В соответствии с декретом от 4 мая 1792 г. военнопленные принимались под покровительство французского государства и под особую защиту закона. Насилие

по отношению к ним воспрещалось под угрозой наказания. Питание пленных должно было соответствовать обычному пищевому довольствию французских войск и финансироваться из сумм военного фонда. «Военнопленные допускались ко всякого рода работам и пользовались наравне с французскими гражданами обычной судебной защитой. Согласно решению Конвента от 25 мая 1793 г. военнопленным должна была оказываться необходимая медицинская помощь. Ни один военнопленный не должен быть принуждаем к службе в войсках республики. По окончании войны военнопленные подлежали обмену и возвращению на родину» [2, с. 22].

Восемьдесят лет спустя эти основополагающие начала французского законодательства о военнопленных были имплементированы в международное право и вошли в статьи Брюссельской декларации, принятой по итогам Брюссельской конференции 1874 года – международной конференции по кодификации законов и обычаев войны. Позднее эти положения почти полностью были перенесены в Гагскую конвенцию 1907 года, ратифицированную большинством государств мира, и ставшую к началу Первой мировой войны основным международно-правовым актом о военнопленных.

Помощь своим солдатам, оказавшимся в плену, в той или иной степени пытались оказывать все воюющие страны. Правительственные структуры Российской Империи в этом смысле не отличались особым рвением. Проблема собственных военнопленных на официальном уровне старательно замалчивалась. Современник изучаемых событий, управляющий Российского комитета Красного Креста, член Русско-Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий по обмену военнопленными Н. М. Жданов в своем исследовании, опубликованном в 1920 году, отмечал, что «русским учреждениям помощи военнопленным в первые годы войны приходилось осуществлять свою деятельность при обстоятельствах беспримерно трудных. В отличие от Англии и Франции и от центральных государств у нас в России в первые годы войны дело помощи военнопленным не только не признавалось делом государственной важности и не поощрялось государственной властью, а наоборот всячески стеснялось и задерживалось как военными, так и административными властями. Общественным учреждениям помощи военнопленным было запрещено всякое публичное проявление их деятельности; им было даже запрещено в их отчетах употреблять слово «военнопленный» [2, с. 9].

Гагская конвенция 1907 г. предусматривала создание в воюющих странах Справочных Бюро о военнопленных, которые должны были осуществлять свою деятельность и пользоваться содействием со стороны воюющих и нейтральных стран. Мировая война, нарушившая все формы обычного международного общения, осложнила и осуществление помощи военнопленным. При таком положении дел Справочным Бюро воевавших стран было чрезвычайно тяжело осуществлять возложенные на них задачи. Российским правительством были приняты решения, запрещавшие под страхом каторжных работ любые контакты с учреждениями враждебных государств. Эти распоряжения парализовали деятельность Российского Справочного Бюро. Германское справочное бюро в начале войны присылало свои

списки военнопленных, но, не получая ответных списков из России, прекратило свою деятельность. Связь военнопленных с их родными и близкими оказалась с этого момента возможна лишь при участии гуманитарных организаций воюющих стран: почтовые службы не справились с возросшим потоком корреспонденции, а военная цензура еще более осложняла переписку.

Февральская революция 1917 года изменила ситуацию в этой области. Проблема русских военнопленных в европейских лагерях перестала замалчиваться, и в российской прессе стали появляться материалы о действительном положении дел. Результатом общественной активности стало создание Центрального Комитета по делам военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста; 30 марта 1917 года вышло в свет соответствующее Постановление Временного правительства. В состав Центрального Комитета вошли представители Военного министерства, Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел, Министерства финансов, торговли и промышленности, земледелия, путей сообщения и юстиции, Российского общества Красного Креста. По инициативе ЦК по делам военнопленных был созван Первый всероссийский съезд представителей учреждений и организаций помощи военнопленным, работа которого пришлась на революционные события октября 1917 года.

Необходимо отметить, что гуманитарная деятельность российских и международных организаций часто становилась объектом давления и преследования со стороны воюющих правительств. В этом вопросе власти руководствовались соображениями военной и политической целесообразности, а не международным гуманитарным правом. Это противодействие международным организациям особенно обострилось в период германской – Ноябрьской¹ – революции.

Сражения на европейских фронтах закончились, но Европу и весь мир по-прежнему разделяли не только государственные границы, но и невидимые рубежи, проходившие в умах и душах переживших войну людей. Шовинистический накал военных лет, обострившийся национализм, пропагандистские клише, покалечившие нравственное здоровье общества, послевоенная разруха и экономический кризис, нищета и обезлюдившие регионы, сотни тысяч калек, раненых и больных – такое наследство оставила Первая мировая. Война велась под знаком тотальной взаимной ненависти. Политика средств массовой информации и контекст бытового общения были направлены на беспрецедентное разжигание злобы и беспощадной вражды к целым нациям. Христианский принцип индивидуальной ответственности каждого человека только за собственную субъективную вину был основательно забыт и заменен воскресшим принципом расовой мести, распространявшимся на все элементы враждебных рас и государств. Так, за сообщавшиеся газетами случаи зверств немецких солдат на русском фронте тяжело расплачивались внутри страны ни в чем неповинные русские обыватели иностранного происхождения, которых

¹ Ноябрьская революция — революция в ноябре 1918 года в Германской империи. Началом революции считается восстание матросов в Киле 4 ноября 1918 года, кульминационным моментом – провозглашение республики в полдень 9 ноября, днём формального окончания – 11 августа 1919 года, когда президент республики Фридрих Эберт подписал Веймарскую конституцию.

громили, избивали и калечили. Огульная ненависть распространилась и на военнопленных, как на представителей враждебных наций, и в бесчисленных случаях отягчала их и без того тяжелое положение в чужой воюющей стране [2, с. 38].

Массовые издевательства, пытки и унижения, которым подвергались военнопленные всех без исключения стран-участниц мировой войны, объяснялись той огульной ненавистью, которая целенаправленно разжигалась у населения пропагандой в средствах массовой информации, официальными правительственными спикерами и даже церковью. Охватившая общество шовинистическая истерия наиболее наглядно проявлялась в судебных процессах, которые по умолчанию должны были бы демонстрировать приверженность букве закона и беспристрастность. Так, летом 1918 г. берлинский суд приговорил к аресту и крупному штрафу двух женщин за то, что они позволили себе танцевать с русскими военнопленными на деревенском празднике; причем мотивировочная часть этого приговора носила откровенно шовинистическую и даже расистскую окраску, ссылаясь на некие факты поведения русских войск в Восточной Пруссии. Подобные факты имели место и в России. Московские судьи в течение нескольких месяцев держали в тюрьме московского пастора Вальтера и нескольких женщин за создание частного кружка для помощи провозившимся через Москву немецким военнопленным [2, с. 39].

Осуществление гуманитарной деятельности в таких условиях являлось крайне трудной задачей. Российские организации в Германии и Австрии продолжали на бытовом уровне считаться вражескими; движение через государственные границы гуманитарных грузов воспринималось местными чиновниками не иначе как снабжение неприятеля. Но обойтись без частых трансграничных операций российским гуманитарным организациям в тот период времени было практически невозможно: закупки продовольствия на национальных рынках в условиях послевоенной нищеты и дефицита были ограничены национальными правительствами. Так, закупки продовольствия на швейцарском рынке лимитировались объемом не более 10 тонн в месяц, что было совершенно недостаточно для помощи русским военнопленным в лагерях [3, л. 41]. Помимо собственно продовольствия, российские гуманитарные организации отправляли в лагеря белье, табак, сахар, портянки, нитки, фуфайки, чай, просфоры, сухой бульон, сухое молоко и целый ряд других продуктов и предметов, закупки которых требовали широкой географии поставщиков [3, л. 42].

Заклучение Советской Россией в марте 1918 года Брестского мира с Германией стало еще одним поводом для союзников по Антанте с подозрением относиться к российской гуманитарной деятельности в Европе. Так, например, закупленная Бернским комитетом помощи военнопленным в Америке мука, предназначавшаяся русским военнопленным в Германии, была в апреле 1918 года реквизирована французским интендантством и до Бюро не дошла, несмотря на то, что еще в ноябре 1917 и в марте 1918 гг. поставки муки из Америки шли успешно, Бернское Бюро пекло из нее хлеб, который потом развозился по лагерям [3, л. 23]. Уже в апреле 1918 г. швейцарское правительство прекратило выдачу разрешений на вывоз

местных товаров [3, л. 52]. В августе 1918 г. Бернское бюро было вынуждено обратиться к президенту САСШ Вильсону с просьбой разрешить вывоз из Америки закупленной муки, предназначавшейся российским военнопленным и задерживаемой американскими властями после подписания Брестского мира [3, л. 29].

Экономическая блокада Германии, предпринятая союзниками России, исключала закупки в союзных странах продовольствия для военнопленных: страны Антанты требовали гарантий, что закупленное продовольствие не попадет в руки немцев. По этой причине насущной необходимостью стало создание независимого контрольного органа, который пользовался бы доверием всех конфликтующих сторон. Таким органом стал институт нейтральных делегатов, созданный в Берне. Нейтральные делегаты получали право беспрепятственного и свободного доступа в лагерь военнопленных с целью контроля и наблюдения за распределением гуманитарной помощи. Труд делегатов не оплачивался [3, л. 52].

Завершающий период войны между Россией и Четверным союзом после заключения Брестского мира создал необходимость особых соглашений по вопросам обмена и репатриации военнопленных. Для решения этих вопросов было созвано Петроградское совещание и весной 1918 г. образованы в Москве русско-германская и русско-австрийская смешанные комиссии. На Петроградском совещании был определен порядок обмена и эвакуации инвалидов и некоторых категорий гражданских пленных; выработаны основные правила провоза пленными своего багажа.

Брест-Литовский мирный договор оказал крайне негативное воздействие на всю российскую гуманитарную деятельность, осложнив и без того непростой политический фон, в котором она осуществлялась. После этого события бывшие союзные России государства на значительный срок заморозили оказание помощи российским военнопленным. Бернское Бюро помощи военнопленным даже было вынуждено обратиться с меморандумом к президенту Вильсону, премьер-министрам Франции, Англии и Италии, в котором разъяснялись цели гуманитарной деятельности по оказанию помощи русским военнопленным и просьба не чинить ей препятствия [3, л. 28]. В качестве одного из доводов в пользу продолжения иностранной помощи в меморандуме говорилось, что русские военнопленные из Германии и Австрии после освобождения будут добираться домой в Россию пешком через всю Европу, что впоследствии подтвердилось и стало настоящей катастрофой и для Европы, и для самих военнопленных [3, л. 29].

Первая мировая война, неурожай, экономический кризис и нарастание этнических проблем привели в 1918 году к распаду Австро-Венгрии на несколько самостоятельных государств. В результате этого процесса образовались Чехословакия, Государство Сербов, Хорватов и Словенцев, Западно-Украинская народная республика; 6 ноября 1918 г. в Кракове было провозглашено воссоздание Польши. В ходе распада некогда могущественной империи появился и целый ряд других государственных образований. Эти геополитические катаклизмы оказали воздействие и на положение российских военнопленных в Европе. Могущественная и отлаженная имперская военная машина разрушающейся Австро-Венгрии начала

разваливаться на глазах; растерявшиеся власти практически одновременно сняли охрану со всех лагерей военнопленных, объявив их свободными и предоставив собственной судьбе. Никакого материального обеспечения, питания, транспорта для возвращения домой бывшим военнопленным предоставлено не было. Сотни тысяч голодных, больных, полураздетых и истощенных людей двинулись в конце 1918 года через Богемию, Венгрию, Польшу и Галицию к русской границе. Этот огромный поток в короткое время превратился в гуманитарную катастрофу для всех: и для возвращающихся пленных, и для жителей тех регионов, через которые он протекал. Тысячи пленных погибали в пути от голода, холода и болезней. Часто они подвергались преследованиям и избиениям со стороны местных жителей. Особенно в этом преуспели жители Польши [3, л. 63–64].

Несколько лучше обстояла ситуация с правовым положением русских военнопленных в Чехословакии. Как и в других осколках Австро-Венгерской империи, в Чехословакии в 1919 г. статус военнопленных не сразу подвергся изменению. На момент распада империи и провозглашения самостоятельности Чехословакии не было опубликовано никакого правительственного распоряжения, которое фиксировало бы изменение их правового статуса. По этой причине военнопленные продолжали де-юре оставаться солдатами враждебного государства. Так, администрация лагеря для военнопленных Йозефов продолжала жить старыми австрийскими традициями, обкрадывая и без того скудное довольствие заключенных. Некоторые работодатели из тех, кто привлекал пленных на сельскохозяйственные, дорожные и другие работы, беззастенчиво эксплуатировали их труд, понимая полное бесправие пленных [3, л. 66].

На этом этапе гуманитарная деятельность русских общественных организаций сыграла крайне важную роль. В апреле 1919 г. состоялась миссия заведующего Бернским Бюро помощи русским военнопленным Н. А. Касьянова в Прагу, где ему удалось встретиться и провести переговоры сначала с министром иностранных дел Чехословакии Эдвардом Бенешем (1884–198), а после побывать на приеме у первого президента Чехословацкой Республики Томаша Гаррига Масарика (1850–1937). На этой аудиенции Н. А. Касьянов передал президенту 50 тыс. чешских крон для русских военнопленных в чехословацких лагерях. Однако главным итогом этой встречи стало правительственное распоряжение о признании бывших российских военнопленных в качестве пленных дружественной державы и уравнение их в правах и довольствии с чехословацкими солдатами [3, л. 67]. К этому же периоду относится и начало деятельности делегации Бернского Бюро помощи русским военнопленным, создавшего в Чехословакии специальное отделение, которое производило распределение помощи Российского общества Красного Креста в лагерях, а также отбор больных, инвалидов и ослабевших для их перевода в госпитали в Пардубицах и Кромержиже в Моравии [3, л. 65].

Несмотря на окончание войны, определение правового статуса военнопленных в лагерях и общее смягчение напряженности в европейских делах, их положение в 1918–1920 гг. продолжало оставаться крайне тяжелым. Жизнь в послевоенной Европе в тот период времени была тяжелой для всех; экономическое положение и в странах-победительницах, и в странах проигравших было примерно одинаковым:

дефицит продуктов питания, обескровленные и обезлюдевшие сельскохозяйственные регионы, острый экономический кризис. Поэтому военнопленным не приходилось рассчитывать на помощь от правительств стран пребывания: даже дружественные России страны были просто не в состоянии создавать и поддерживать достойный уровень жизни военнопленных. Уже упомянутая выше передача президенту Масарику 50 тыс. крон на нужды русских военнопленных говорит о многом: даже такая незначительная сумма была благосклонно им принята.

В этот момент произошло событие, ставшее отражением тех гуманитарных и геополитических процессов, которые продолжают свое развитие и в XXI веке: «На третий день после прибытия в лагерь русских военнопленных комендант получил предписание немедленно выделить в украинский лагерь (в немецкий Яблонец) всех уроженцев Украинской Республик¹. С предписанием был прислан какой-то апокрифический список областей, на которые распространяются суверенные права украинской государственности. Комендант приказал изготовить список лиц, подлежащих отправке в украинский лагерь, а когда новосозданные «украинцы» категорически заявили, что они русские, и лагеря ни в коем случае не покинут, то комендант объявил, что занесенные в список лица будут отправлены из лагеря под конвоем силой. Лишь благодаря энергичному вмешательству приехавшего как раз в это время в лагерь одного из членов Делегации, доктора Е. И. Канского, удалось принудить коменданта отказаться от оправки в украинский лагерь «украинцев» из Воронежской, Курской губерний и областей Войска Донского и Кубанского» [3, л. 80–81].

Наряду с комплексом психологических, медицинских, правовых и материальных проблем, российская гуманитарная деятельность в лагерях военнопленных сталкивалась с острым противодействием не только администрации, видевших в сотрудниках Красного Креста и других гуманитарных организаций досадную помеху, но и с отчаянной конкуренцией за умы и души пленных со стороны большевистского правительства. Как уже отмечалось выше, советская власть видела в огромной массе русских военнопленных за границей потенциальный ресурс влияния на политику иностранных государств – с одной стороны, и возможных рекрутов гражданской войны в России – с другой. По этим причинам советское руководство предпринимало серьезные усилия для ведения пропаганды в европейских лагерях военнопленных, и усилия эти очень часто заканчивались успехом. Так, Российским обществом Красного Креста в госпитале в Кромержиже (Чехословакия) были организованы три школы, хор, с успехом выступавший в окрестностях, оказывалась материальная помощь больным военнопленным: в ноябре 1919 г. РОКК выдал каждому находившемуся в госпитале пленному по комплекту теплого белья, пару носков, носовые платки, полотенце, сапоги, штатский костюм и кусок мыла. Была устроена библиотека, выписывались газеты. Эта гуманитарная деятельность продолжалась до тех пор, пока политическая

¹ Украинская Народная Республика, УНР – государственное образование в федеративной связи с Российской республикой, провозглашенное III Универсалом Украинской Центральной рады 7 (20) ноября 1917 года, после свержения Временного правительства России.

агитация против РОКК, развернутая в госпитале сторонниками большевистских идей, и проявившаяся в форме провокаций против учителей, не привела к закрытию в апреле 1920 г. всех трех школ [3, л. 72].

Похожая ситуация сложилась и в чехословацком лагере в Хоцене. Делегация Бернского Бюро помощи военнопленным организовала дополнительное питание для военнопленных, библиотеку, корзиночную, сапожную и портняжную мастерские [3, л. 77]. Но многочисленные злоупотребления лагерной администрации привели к тому, что группа лагерных большевиков использовала недовольство пленных, и направило его как против собственно администрации, так и против русских офицеров, выступавших посредниками между лагерной администрацией и заключенными. На эту ситуацию противостояния наложился и национальный аспект: «самостийные украинцы» стремились посеять раздор между русскими обитателями лагеря [3, л. 78]. В этих условиях гуманитарная деятельность общественных организаций оказалась практически парализована.

Примерно по такому же сценарию развивалась ситуация в Иозефовском лагере. Как и в Хоцене, усилиями Российского общества Красного Креста в этом лагере была открыта школа, закуплены учебники, тетради, географические карты, музыкальные инструменты для хора балалаечников, создана театральная труппа и певческий хор. Красным Крестом проводились спортивные мероприятия. За первые две недели число учащихся военнопленных достигло пятисот человек. Но агрессивная позиция сторонников советской власти также привела эти гуманитарные достижения к ликвидации. Как отмечал источник, «никем не сдерживаемая группа советских сторонников полностью завладела настроениями в лагере и сумела убить остатки здоровых стремлений у психически неуравновешенных лагерных сидельцев» [3, л. 91]. По ночам группа агитаторов стала проводить собрания в бараках, на которых военнопленных уговаривали отказаться от помощи Российского общества Красного Креста. По итогам этих тайных собраний появились на свет заявления с многочисленными подписями, переданные впоследствии коменданту лагеря. О том, насколько искренними были подписанты этих заявлений, говорит следующий факт: на следующий день после передачи заявлений лагерной администрации несколько военнопленных, поставивших свои подписи, вновь обратились к РОКК за помощью [3, л. 95].

Необходимо отметить, что гуманитарные организации, включая российские, отдавали себе отчет о возможных последствиях неконтролируемого и неорганизованного исхода из лагерей бывших военнопленных еще до его начала. Чтобы предотвратить его возможные последствия, Международным Комитетом Красного Креста была организована специальная миссия для «обследования всех путей и возможностей организации репатриации русских военнопленных и их положения в различных странах» [3, л. 31]. Бернское Бюро помощи ходатайствовало о включении в состав миссии своих представителей, но получило от МККК отказ под тем предлогом, что «участие представителей небольшевистских организаций в деле репатриации русских военнопленных повлечет нарекания со стороны большевистских властей». Схожая миссия была организована и Российским обществом Красного Креста, направившим своих сестер милосердия, совместно с

представителями Датского Красного Креста, по лагерям военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. Ответная миссия была осуществлена Германским Красным Крестом в отношении немецких военнопленных на территории России [6, с. 15].

Имеются сведения и о сношениях Датского Красного Креста с правительством адмирала Колчака по вопросам германских военнопленных в России. Так, 25 февраля 1919 г. из Стокгольма на имя министра иностранных дел Омского правительства И. И. Сукина была отправлена секретная телеграмма с просьбой о свободном пропуске и оказании содействия представителям Датского Красного Креста, направлявшимся из Петрограда в Омск по делам немецких военнопленных. В качестве аргумента в телеграмме акцентировалось внимание на помощи Датского Красного Креста русским военнопленным в Европе [4, л. 15].

Однако, судя по тем катастрофическим условиям, в которых проходила репатриация русских военнопленных, ни Международному Красному Кресту, ни российским гуманитарным организациям не удалось оказать заметное воздействие на ход этого процесса ввиду его масштаба и беспрецедентности: мировое сообщество в начале XX века еще не было готово осуществлять гуманитарные акции в таких масштабах.

В этот период времени в Москве (а для проведения встречной репатриации – и в Варшаве) создавались смешанные комиссии из делегаций от обеих воевавших сторон. Члены репатриационных комиссий пользовались дипломатической неприкосновенностью. В их функции входило посещение лагерей, тюрем, госпиталей и прочих мест нахождения лиц, имеющих право на репатриацию. До образования в апреле 1921 г. репатриационных комиссий и некоторое время после их создания репатриацией занимались Российское и Польское общества Красного Креста. За апрель 1921 – апрель 1924 гг. из Советской России в Польшу было репатрировано более одного миллиона человек (почти 2/3 из них составляли украинцы и белорусы). По польским источникам, на территории СССР осталось ок. 1,5 млн. поляков, не воспользовавшихся правом на репатриацию. Контингенты возвращаемых на родину граждан с самого начала должны были включать определенную долю военнопленных, по исчерпанию иных категорий они состояли только из военнопленных. Основная часть пленных поляков была захвачена на фронтах Советско-польской войны.¹ Меньшую часть составили бывшие польские легионеры из соединений, созданных летом 1918 г. в Сибири и входивших позже в состав войск Польской республики. Поляки, подобно чехословакам и румынам, охраняли один из секторов Сибирской магистрали (Татарская – Новониколаевск, с ответвлением на Славгород). При отступлении польская дивизия, вместе с сербским полком, составляла арьергард союзнических войск. Перед станцией Тайга отряд поляков в 4 тыс. штыков был почти начисто изрублен 27-й красной дивизией (в

¹ Советско-польская война – вооруженный конфликт между Польшей и Советской Россией, Советской Белоруссией, Советской Украиной на территории распавшейся Российской империи – России, Белоруссии, Латвии, Литвы, Польши и Украины в 1919–1921 годах во время Гражданской войны в России. В современной польской историографии имеет название «Польско-большевистская война». В конфликте также принимали участие войска Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики; в первой фазе войны они действовали против Польши, затем части УНР поддерживали польские войска.

живых осталось 50 пленных); в районе Анжерских копей два полка легионеров в 8 тыс. штыков потерпели новое поражение и затем без сопротивления сдались в плен. Военнопленные поляки содержались как в Европейской России (Тульский лагерь), так и в азиатской части страны (напр., в 1920 г. работали на лесозаготовках в р-не Колывани) [5, с. 144].

В документах Пражского архива сохранились сведения об отправке 359 сибиряков на пароходе, зафрахтованном чехословацким правительством, и который перевозил эшелон чехословацких легионеров из Сибири. Обратным рейсом на Дальний Восток России он должен был доставить грузы чехословацких фабрикантов. Там же разместились и возвращавшиеся на родину русские военнопленные [4, л. 100].

Во второй половине 1920 г. в Чехословакию прибыла миссия Советского Красного Креста под руководством С. И. Гиллерсона.¹ С конца 1920 по начало 1921 г. миссия эвакуировала в Россию около 7 тыс. бывших военнопленных. В результате в Чехословакии были закрыты оставшиеся там до этого момента концентрационные лагеря, включая крупнейший из них Йозефовский. С этого момента вся деятельность российских гуманитарных организаций оказалась целиком сосредоточена на гражданских беженцах из России [2, л. 109].

Русские военнопленные Первой мировой войны оказались определенном этапе истории одним из самых уязвимых сообществ людей, вовлеченных в политические процессы Европы. Их тяжелейшее физическое, моральное, правовое, психологическое положение усугублялось попытками всех враждовавших держав использовать пленных в той или иной политической игре. Военнопленные как в Европе, так и в России продолжали на определенном отрезке времени оставаться серьезной силой. Она могла сыграть заметную роль во внутренней политике стран пребывания, что и произошло в России, войдя в историографию под названием «Чехословацкий мятеж 1918 г.». Предотвратить подобное развитие событий, спасти от голодной смерти и бесчеловечного отношения сотни тысяч и миллионы людей, было возможно лишь совместными усилиями бывших противников Первой мировой. Увы, такая политическая воля на тот момент отсутствовала. Отчасти смягчать ситуацию удавалось общественным гуманитарным организациям, осуществлявшим свою деятельность во всех воевавших странах. Мировая война, распад империй, революции и кризисы – все эти потрясения требовали от национальных и международных гуманитарных сообществ адекватного реагирования. Это был в каком-то смысле экзистенциальный вызов: смогут ли общечеловеческие ценности, гуманитарное право, гуманизм и милосердие одержать моральную победу над всеобщим расчеловечиванием в условиях войны и послевоенного кризиса. От ответа на этот вопрос зависел, без преувеличения, весь ход дальнейшего развития человеческой цивилизации. Именно в условиях Первой

¹ Гиллерсон Соломон Исидорович (1869–1939), врач, доктор медицины. Лидер большевиков станции Никольск-Уссурийск Уссурийской железной дороги, делегат II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. В 1920–1921 годах руководил миссией Советского Красного Креста в Праге, осуществлявшей репатриацию бывших русских военнопленных из Чехословакии в Советскую Россию. Умер в эмиграции во Франции.

мировой войны «обкатывались» на практике те гуманитарные принципы, которые будут положены позднее и в основу международного гуманитарного права, и в основу национальных этических и правовых норм. В этом смысле российская гуманитарная деятельность стала высоким образцом попечения о наиболее пострадавших в ходе военных действий категориях людей. Причем эта деятельность была отягощена революционными событиями в самой России, где организационная структура благотворительности и попечения о нуждающихся была разрушена, а принципы гуманизма забыты на долгие годы.

Список использованных источников и литературы

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.: изд. 4. Л., 1949.
Lenin V. I. Poln. sobr. soch.: izd. 4. L., 1949.
2. Жданов Н. М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. Ч. I, II и III. М., 1920.
Zhdanov N. M. Russkie voennoplennye v mirovoj vojne 1914–1918 gg. CH. I, II i III. M., 1920.
3. ГАРФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6.
GARF. F. 6171. Op. 1. D. 6.
4. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 57.
5. Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний: Публикация К. Громова и С. Боголепова / Минувшее: Исторический альманах. М., СПб. 1986. № 1.
Kniper A. V. Fragmenty vospominanij: Publikaciya K. Gromova i S. Bogolepova / Minuvshee: Istoricheskij al'manah. M., SPb. 1986. № 1.
6. Положение российских военнопленных и деятельность Комиссии Российского Красного Креста в Швейцарии. – Берлин, 1918.
Polozhenie rossijskih voennoplennyh i deyatel'nost' Komissii Rossijskogo Krasnogo Kresta v Shvejcarii. – Berlin, 1918.

S. Ippolitov. «Ukrainians categorically said that they Russians»: prisoners of war of World War I in the European policy. 1918–1921

On the basis of unpublished sources humanitarian activity of the Russian public organizations in emigration on assistance to the Russian prisoners of war of World War I in the territory of the European states is studied; the value, the place and a role of prisoners of war in the European policy is investigated; their situation in camps, legal status. The conclusion about interest Soviet and the European governments in rendering propaganda impact on prisoners of war is drawn. The humanitarian disaster, turned out to be a consequence unavailabilities of the European society of that period to affect distress of prisoners of war, it is investigated in the context of world politics of the beginning of the 1920th.

Keywords. Russian emigration, prisoners of war, World War I, Russian Civil War, humanitarian activity.